

12+

J. Ti

**Четвёртая
координата**

Миры за гранью

J. Ti

Четвёртая координата. Миры за гранью

<https://litres.ru/74319182>

ISBN 9785007091336

Аннотация

Он умер. Он должен был исчезнуть — но вместо этого шагнул в точку, где всё едино. Оттуда — в линию, где все толкаются вперёд и никто не знает, зачем. Оттуда — в мир теней на белой стене, где одна тень вдруг почувствовала, что за ней кто-то наблюдает из глубины.

Алекс — физик, отец, человек, который боялся опоздать к дочери. Но теперь у него есть вечность, чтобы понять: каждый мир — тюрьма, если ты видишь только одну координату. И рай — если готов шагнуть вбок.

Содержание

Глава 1. Точка возврата	5
Глава 2. Давление	15
Глава 3. Глубина	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Четвёртая координата Миры за гранью

J. Ti

© J. Ti, 2026

ISBN 978-5-0070-9133-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Точка возврата

Алекс не увидел взрыва — он его вычислил.

За три секунды до того, как резонансный контур пошёл вразнос, цифры на мониторе перестали быть просто цифрами. Частота поля ушла в комплексную область, энергия устремилась к бесконечности, а предохранители не сработали.

Он успел подумать: «Пробой».

И ещё: «Ошибка в третьем слагаемом».

И совсем тихо, на грани слышимости: «А Даша...»

За три секунды до этого он смотрел на экран и думал о том, что завтра суббота. Что он обещал забрать Дашу из школы и отвезти в зоопарк. Что в прошлый раз он опоздал на два часа, и она не разговаривала с ним три дня. Что он купил билеты — два взрослых и один детский, хотя Даше уже пятнадцать, но она всё равно любит смотреть на пингвинов, а билеты он положил в левый карман куртки, и сейчас они там, и если он не выживет, она никогда не узнает про эти билеты, и это почему-то самое страшное из всего, что могло

случиться.

Сирена захлебнулась. Лаборант у дальней стены беззвучно открыл рот. Пол дрогнул.

И мир исчез — не провалился в темноту, не погас, а именно исчез, как исчезает изображение с выключенного экрана.

Алекс перестал быть здесь. Его тело, временно лишённое хозяина, начало падать на пол лаборатории, но самого Алекса это уже не касалось. Его сознание, сжатое до квантового состояния, перешло в геометрию, которой не учат в школе.

Сначала не было ничего.

Потом — точка.

Не точка в пространстве, потому что пространства не было. Не точка во времени, потому что время ещё не началось. Просто точка — бесконечно плотная, бесконечно малая, содержащая в себе абсолютно всё.

Алекс был этой точкой. И точка была Алексом. И это не было метафорой.

Он попытался вдохнуть — и не нашёл лёгких. Попытался осмотреться — и не нашёл глаз. Попытался вспомнить, кто он, — и обнаружил, что он больше, чем Алекс. Гораздо больше.

Он был лабораторией, в которой только что умер. Он был резонансным контуром, который пошёл вразнос. Он был каждым из лаборантов, застывших в последнем мгновении. Он был билетами в зоопарк, которые лежали в левом кармане его куртки. Он был отцом, который сейчас, в другом городе, ещё не знал о звонке из института.

Он был женой, с которой развёлся три года назад.

И Дашей. Дашей, которой он так и не сказал, как сильно её любит. Дашей, которая ждала его завтра у школьных ворот. Дашей, которая, возможно, уже никогда не увидит пингвинов с ним рядом.

Он был каждым своим воспоминанием, каждой недосказанной фразой, каждой несбывшейся надеждой — и всё это одновременно.

И это было невыносимо.

И это было прекрасно.

Но среди всего этого величия, среди всей этой полноты Алекс вдруг понял: он не хочет быть всем. Он хочет быть собой. Тем, кто купил билеты. Тем, кто опоздал на два часа. Тем, кто боялся признаться в любви собственной дочери.

Этот страх — маленький, тщедушный, несовершенный — почему-то оказался ценнее бесконечности.

Потому что бесконечность не умела бояться. А он — умел.

В точке не было других — и всё же Алекс не был один. Сама точка была живой. Не существом, а присутствием. Таким близким, что отделить его от себя было невозможно.

Присутствие не имело имени. Оно не говорило слов — просто было, и это «было» охватывало Алекса целиком, без остатка, без шва между «внутри» и «снаружи».

Позже, пытаясь осмыслить этот опыт на человеческом языке, он назовёт его Солипсом — Единственным. Но сейчас, в самой точке, никакого «он» не существовало. Был только сам опыт единства, и этот опыт был наполнен таким безграничным приятием, такой совершенной любовью, какой Алекс не знал за всю свою жизнь.

Но была в этом приятии одна странность — она не давала Алексу покоя. Она не спрашивала. Она не требовала. Она

просто принимала. Всё. Без условий. Без вопросов. Даже его страх. Даже его нежелание оставаться.

— Ты ведь знаешь, что я хочу уйти, — сказал Алекс без слов. — Ты знаешь, что я не хочу здесь оставаться. Что я хочу вернуться туда, где больно, где страшно, где я могу всё испортить. И ты всё равно любишь меня?

Ответ пришёл не словами. Он пришёл как понимание. Внезапное, тихое, оглушительное.

«Конечно, — говорило понимание. — Потому что любовь, которая ставит условия, — это не любовь. Это торговля. А я не торгую. Я просто люблю. Всегда. Без причин. Без надежды на ответ. Я — сама любовь. А ты — тот, кто уходит, чтобы вернуться. И в этом твоя красота».

Алекс почувствовал, как его заливают благодарность — такая же безграничная, как и любовь, которую он получал.

— Я буду скучать, — сказал он. — Здесь так спокойно.

«Ты будешь скучать. Но там ты будешь жить. А жизнь — она не всегда спокойна. И в этом её ценность».

И следом, как эхо, — последнее прикосновение, послед-

ний дар:

«Иди. Я буду ждать. Я всегда жду. Я — это ты, помнящий. А ты — это я, идущий».

Точка начала расширяться.

Это было не больно. Это было не страшно. Это было похоже на раскрытие бутона — медленное, плавное, наполненное смыслом. То, что было спрессовано в безразмерное единство, начало обретать направление.

Первое измерение.

Алекс почувствовал, как у него появляется длина. Одна-единственная координата — не «вверх» и не «вниз», не «вправо» и не «влево», а «вперёд». И одновременно — «назад». Он стал отрезком на бесконечно тонкой линии. Его сознание, ещё хранившее тепло нуля-зоны, обрело новую форму.

Последнее, что он ощутил на границе между мирами, — это благословение. Беззвучное, как всё в точке. Бесконечно нежное, как свет. Оно не говорило «прощай». Оно говорило:

«До встречи».

И затем линия сомкнулась за ним.

— Куда прёшь?!

Толчок был резким и грубым. Алекс, ещё не привыкший к новому телу-отрезку, вздрогнул и подался вперёд, вжимаясь в соседа.

— Извините, — попытался сказать он, но вместо слов получилась короткая вибрация.

— «Извините», — передразнил кто-то сзади. — Ты давай не извиняйся, ты давай двигай. Очередь стоит, пока такие, как ты, рефлексируют.

Алекс попробовал осмотреться — и не смог. Он чувствовал только два направления: спереди и сзади. Слева и справа не существовало. Верха и низа не существовало. Только линия, только отрезки, только бесконечная очередь.

— Новичок, — определил сосед спереди — отрезок с обтрёпанными краями. — Сразу видно. Контур дрожит не в

такт.

— Я только что... — начал было Алекс, но осёкся. Как объяснить этим существам, что он только что был точкой? Что он только что был всем? Что он только что держал в себе всю свою жизнь и увидел её совершенство?

Никак. Поэтому он просто сказал:

— Я здесь впервые. Расскажите, как всё устроено.

Сосед спереди издал вибрацию, похожую на смешок.

— Всё просто. Двигаешься вперёд. Не останавливаешься. Не выпадаешь. Если остановишься — схлопнешься. Если выпадешь — не знаю. Никто не выпадал.

— Почему?

— Потому что выпадать некуда. Кроме линии, ничего нет. Теперь впитывай и не мешай двигаться.

Алекс замолчал. Очередь двигалась — медленно, рывками, как гигантское одномерное существо, пытающееся прожевать само себя. Давление сзади то нарастало, то ослабевало.

Где-то впереди, на границе восприятия, один из отрезков внезапно схлопнулся — исчез, сжатый соседями. Его место тут же заняли другие.

Алекс вспомнил точку. Вспомнил всеобъемлющий покой. Вспомнил любовь, которая никуда не делась, — она всё ещё была с ним, просто теперь он ощущал её иначе. Как далёкий свет. Как тихую музыку. Как обещание.

Он ещё не знал, что его ждёт в этом мире. Не знал, что встретит Тэона, который станет его первым учеником. Не знал, что скоро ему предстоит объяснять второе измерение существам, у которых нет для него органа чувств.

Но он знал главное: он идёт. И он вернётся.

Точка осталась внутри него. Спрятанная, как семечко. Ждущая своего часа.

Глава 2. Давление

Алекс провёл в очереди целую вечность — или около того. Время здесь не текло, а скорее толкалось, как и все остальные. Оно двигалось рывками: затор — остановка — резкое продвижение — снова затор.

Он учился. Учился чувствовать соседей по микроколебаниям. Учился различать настроения: раздражение было резким и частым, усталость — вялым и прерывистым, страх — хаотичным, сбивчивым. Учился отвечать тем же — короткими, ёмкими вибрациями, которые здесь заменяли речь.

Учился толкаться. Без этого было нельзя: если не давишь ты, давят тебя. И либо ты продвигаешься вперёд, либо однажды задние схлопнут тебя в ноль.

Сосед спереди, тот самый обтрёпанный отрезок, оказался не таким уж грубым. Когда Алекс перестал задавать странные вопросы и начал двигаться в общем ритме, сосед сменил тон.

— Тэон, — представился он во время очередного затора.
— Ты первый новичок за много циклов, который не пытается пролезть без очереди.

— Алекс. А что, многие пытаются?

— Все пытаются. Это главный страх — остаться позади. Некоторые так боятся, что начинают толкаться сильнее, чем нужно. Выбивают слабых. Пролезают вперёд. А потом оглянуться не могут — сзади уже чужие, а впереди всё та же бесконечность.

В его вибрации проступило что-то похожее на горечь. Алекс помолчал, не решаясь спрашивать. Но Тэон продолжил сам — медленно, с долгими паузами между колебаниями:

— У меня была пара. Давно. Мы двигались вместе, занимали соседние позиции. Это редкость — обычно партнёров разносит. А мы держались. Она была... живая. Очень живая. Её вибрации были как музыка. Ты не знаешь, что такое музыка. Это когда колебания складываются в узор, и ты чувствуешь, что мир не просто линия, а что-то большее.

— Я знаю, что такое музыка, — тихо ответил Алекс.

Тэон чуть расширился — жест удивления.

— Откуда?

— Оттуда. Из другого мира. Я здесь не навсегда. Я иду дальше.

Тэон долго молчал. Очередь продвинулась на несколько корпусов.

— Она исчезла, — сказал он наконец. — Моя пара. Мы

попали в сильный затор. Давление было такое, что многие схлопнулись. А она просто... пропала. Не схлопнулась — я бы почувствовал. Именно пропала. Как будто вышла из линии.

— Может быть, она и вышла, — сказал Алекс. — Может быть, она тоже была из другого мира. Или нашла выход.

— Выхода нет. Кроме линии, ничего нет.

— Ты уверен?

— Ты думаешь, я не пробовал? — голос Тэона стал резким, почти злым. — Ты думаешь, я не пытался найти её? Я искал везде. Вперёд. Назад. Я давил на соседей, пытаюсь пробиться сквозь них. Я сходил с ума от мысли, что она где-то там, а я не могу до неё добраться.

— А вбок ты пробовал?

— Что значит «вбок»?

Алекс задумался. Как объяснить существу, которое всю жизнь прожило на линии, что существует направление, которого оно не чувствует?

— Тэон, ты чувствуешь мои толчки?

— Да. Ты сзади. Толкаешь меня в задний край.

— А теперь представь, что ты можешь отодвинуться не вперёд и не назад. А в сторону. Так, чтобы я не мог тебя достать. Чтобы ты мог просто стоять и смотреть на очередь со стороны.

— Я не могу этого представить. Нет такого направления.

— Есть. Твоя пара ушла туда. Я чувствую это. Она не схлопнулась. Она просто шагнула вбок. В мир, где есть не только длина, но и ширина.

Тэон молчал так долго, что Алекс уже решил, что он ушёл в себя. Но потом его контур дрогнул — не от страха, а от ярости.

— Ты врёшь, — сказал он. — Ты не можешь знать. Ты просто хочешь, чтобы я поверил в сказку. Чтобы я перестал давить и дал тебе пройти вперёд. Я знаю такие приёмы. Все здесь пытаются обмануть.

— Тэон, я — из другого мира. Если бы я хотел пройти вперёд, я бы просто шагнул вбок и обошёл тебя. Но я здесь.

Я разговариваю с тобой. Потому что я хочу тебе помочь.

— Тогда докажи.

Алекс вздохнул — или совершил жест, похожий на вздох. Он знал, что доказать будет трудно. Но он также знал, что у него есть только один способ.

— Смотри, — сказал он. — Я сейчас исчезну. Не пугайся. Это не навсегда.

И он шагнул вбок.

Для Тэона это выглядело как чудо — или как катастрофа. Давление сзади пропало. Полностью. Алекс просто перестал существовать. Задний край Тэона вдруг оказался свободен — никто не толкал, никто не напирал. Тэон завис в пустоте, которая не должна была существовать.

А затем Алекс появился снова — но не сзади, а спереди. Перед Теоном.

— Как?! — вибрация Тэона была почти истерической. — Ты был сзади! Ты не мог пройти сквозь меня! Никто не может пройти сквозь!

— Я не прошёл сквозь, — ответил Алекс. — Я обошёл. Вбок.

Очередь вокруг них замерла. Соседи, ощутившие невозможное, передавали друг другу сигнал тревоги. Такого ещё не было. Никто не исчезал и не появлялся снова. Никто не обходил очередь.

Тэон молчал. Его контур дрожал — но теперь это была дрожь не страха, а откровения.

— Она жива, — сказал он наконец. — Моя пара. Она жива. Она просто... шагнула вбок.

— Я не знаю точно, — ответил Алекс. — Но это возможно. Ты сам сейчас почувствовал направление, которого нет. Оно есть. Просто вы разучились его видеть.

— Научи меня, — попросил Тэон. — Я хочу найти её.

— Я не могу научить тебя, — сказал Алекс. — Не потому что не хочу. А потому что я сам не знаю, как это работает для вас. Для меня это было естественно — я помнил третье измерение из своей прошлой жизни. Но ты... ты родился на линии. Твой разум не приспособлен к объёму.

Тэон сжался — в его контуре проступила такая глубокая, такая горькая безнадёжность, что Алекс на мгновение пожалел о своей честности.

— Тогда зачем ты показал мне это? — спросил Тэон. Его голос дрожал — не от гнева, а от боли. — Зачем дал надежду, если не можешь научить?

— Потому что надежда — это уже направление, — ответил Алекс. — Ты знаешь, что есть куда идти. Ты знаешь, что твоя пара, возможно, жива. Ты почувствовал перпендикуляр — пусть на мгновение, пусть через меня, но почувствовал. Это значит, что твой разум способен воспринять его. Остальное — практика.

— Сколько циклов? — спросил Тэон. — Сколько нужно практиковаться, чтобы научиться?

— Я не знаю. Может быть, один. Может быть, тысяча. Но ты будешь идти к этому. Каждый день. Каждый миг. Ты будешь пытаться почувствовать то, чего нет. И однажды — оно появится.

Тэон долго молчал. Очередь вокруг них снова пришла в движение — соседи, устав ждать, начали напирать, заполняя пустоту. Но Тэон, казалось, не замечал этого.

— Ты уходишь, — сказал он. — Ты не останешься здесь.

— Да. Мне нужно идти дальше.

— Куда?

— В плоскость. Во второе измерение.

— Иди, — сказал Тэон. — И если ты когда-нибудь вернёшься в свой трёхмерный мир — расскажи им. Расскажи про нас. Про очередь. Про тех, кто толкается и не знает, что можно шагнуть в сторону. Может быть, кто-то из твоих тоже живёт на линии и не подозревает об этом.

Алекс запомнил эту фразу. Потом, когда он вернётся в тело, она будет звенеть в нём, как камертон. Но это будет потом.

— Прощай, Тэон.

— Прощай, Алекс. Спасибо тебе. За надежду.

Алекс сосредоточился. Представил плоскость — бесконечный лист, две оси, тени на белой стене. И шагнул — прочь из линии, прочь из очереди, прочь из одномерного мира.

Краем сознания он успел уловить последнюю вибрацию Тэона. Она была адресована не ему — кому-то другому. Кому-то, кто, возможно, тоже когда-то шагнул вбок.

«Я найду тебя, — говорила вибрация. — Где бы ты ни была. Я научусь. Я уже начал».

Глава 3. Глубина

Алекс вывалился в плоскость.

Первым ощущением был свет — не тот, что бьёт в глаза, а тот, что является самим пространством. Бесконечная, ослепительно белая Стена, простирающаяся во все стороны.

И тени на ней. Тысячи теней.

Они двигались по сверкающей белизне, как фигурки в театре теней. Их движения были плавными, осмысленными. Они общались — не звуком, а языком контуров: изгибались, расширялись, сжимались, подрагивали краями.

Алекс смотрел на них из глубины, которой здесь не существовало, и внезапно поймал себя на жутковатом чувстве узнавания.

Он видел не только их плоские силуэты.

Он видел — пока смутно, как сквозь матовое стекло — трёхмерные предметы, которые отбрасывали эти тени. Источники. За Стеной, освещённой невидимым светом, находились они: кубы, сферы, сложные многогранники, живые

существа, растения. Тени на Стене были лишь проекциями чего-то настоящего, объёмного, существующего в том самом трёхмерном мире, из которого он пришёл.

«Вы — тени, — произнёс он беззвучно. — Вы не знаете, но вы — проекции. Вы — отражения реальных вещей».

Тени не ответили. Они не слышали его. Они жили своей жизнью, не подозревая, что за ними наблюдают.

Но одна из них — с рваным верхним краем, молодая, подвижная — вдруг замерла. Её контур дрогнул. Она словно прислушалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.